

С. В. ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ

Оценка периода правления Л. И. Брежнева и роли диссидентского движения в истории страны¹

Эпоха Брежнева вместила в себя целую череду сложных и весьма неоднозначных событий, в том числе проведение косыгинских реформ, освоение крупнейших нефтяных и газовых месторождений, экспорт энергоресурсов, повышение уровня жизни населения, попытки ресталинизации, борьба с инакомыслием, развитие мирных инициатив на внешнеполитической ниве, подавление Пражской весны, ввод войск в Афганистан и многое другое. Поэтому вполне закономерно, что и оценки этого периода зачастую носят диаметрально противоположный характер.

Б. Дубин одним из первых обратил внимание на крайнюю поляризованность, проявляющуюся в оценках данного периода. В конце 1960–1970-х гг. официальная идеология неустанно твердила о наступлении в СССР эпохи развитого социализма — времени расцвета советского социалистического строя. Однако уже на заре перестройки и гласности (1987–1988) была дана совершенно противоположная оценка периода брежневского руководства. М. С. Горбачев охарактеризовал его как «застой». Его заявление дало толчок развитию концепции, согласно которой время нахождения у власти Л. И. Брежнева сопровождалось нарастанием экономического, политического и социального кризиса, который продолжился и при Ю. В. Андропове и К. У. Черненко, однако в силу кратковременности их пребывания у власти ассоциировался в основном с фигурой Л. И. Брежнева. Впоследствии на волне радикальных реформ начала 1990-х гг. в российском обществе сформировалось ностальгическое представление о недавнем советском прошлом как о «золотом веке» стабильности и порядка.

Спектр имеющихся на сегодняшний день оценок довольно обширен. Одни авторы предпочитают подчеркивать наиболее значимые достижения Советского Союза в рассматриваемый период.

В частности, С. Г. Кара-Мурза считает, что при Л. И. Брежневе советская экономика развивалась быстрыми темпами, а вслед за ней рос уровень жизни населения; тогда было проведено масштабное жилищное и дорожное строительство, создана современная инфраструктура не только в городах, но и в сельской местности и пр. Все это дало основание для утверждения о том, что во второй половине 1960–1970-х гг. СССР был единственной в мире самодостаточной страной, обеспеченной всеми основными ресурсами.

С. В. Вальцев называет эпоху развитого социализма временем упущенных возможностей. Он отмечает, что к концу брежневского периода СССР достиг невероятных высот: он занимал 1-е место в Европе и 2-е место в мире по объемам производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, 1-е место в мире по объемам производства цемента; Советский Союз экспортировал сельхозтехнику в 40 стран мира и т. д. К началу 1980-х гг. реальные доходы населения выросли в 1,5 раза, бесплатным жильем обеспечено 162 млн человек, при этом квартплата в среднем не превышала 3% семейного дохода. По числу студентов на 10 тыс. населения СССР значительно превосходил такие страны, как Великобритания, ФРГ, Франция, Япония и др. Поэтому утверждение М. С. Горбачева о проявлениях застойных явлений в экономической и социальных сферах советского общества, прозвучавшее на XXVII Съезде КПСС (1986) применительно к рассматриваемому периоду, С. В. Вальцев расценивает как черный пиар. По его мнению, замедление темпов экономического развития, спокойную жизнь при Л. И. Брежневе часто воспринимают как застой, которого на самом деле его не было. В то же время главным пороком брежневской эпохи, по словам С. В. Вальцева, стало то, что страна развивалась неадекватно времени, не используя колоссальные возможности планового социалистического хозяйства (иными словами, страна шла по инерции во всем — от идеологии до экономики).

Однако далеко не все исследователи разделяют подобные восторженно-оптимистические взгляды. Более того, критически настроенные исследователи фокусируют внимание на очевидных проблемах советской действительности рассматриваемого периода. Своей главной задачей они видят разоблачение сомнительных, на их взгляд, достижений. Например, последовательную критику застойные времена, он утверждает, что основополагающими элементами государственной политики Л. И. Брежнева являлись сохранение ранее достигнутых темпов производства и экстенсивное расширение производственных мощностей, в результате чего СССР фактически «проспал» информационную

революцию — компьютеризацию. В ряде случаев отечественные (Р. Пихоя, В. Земцов и др.) и зарубежные (Н. Верт, Дж. Боффа и др.) авторы подчеркивают всеобъемлющий характер системного кризиса социализма в СССР. Они обращают внимание на то, что господство партийно-государственной номенклатуры подавляло любые либеральные проявления в политической и экономической жизни. При Л. И. Брежневе и его преемниках в советском обществе утвердился неосталинизм, проявившийся в идеологическом диктате, усилении роли КГБ, подавлении всяческого инакомыслия. На этом фоне царила социальная апатия, лишавшая все надежды на реформирование социализма каких-либо реальных перспектив.

В большинстве случаев ученые намеренно отходят от крайних, полярных оценок, подчеркивая сложный, противоречивый и неоднозначный характер эпохи развитого социализма. О. А. Плехова, например, отмечает, что время пребывания на высшем государственном посту Л. И. Брежнева, с одной стороны, характеризовалось стабильностью в экономической и политической сферах, успехами в научно-технической области и общегражданском строительстве, а с другой, формированием устойчивого, иерархичного слоя бюрократии, слиянием ведомственности и местничества, что в конечном счете препятствовало дальнейшему развитию государства.

Характеризуя общие тенденции развития советской экономики во второй половине 1960 — начале 1980-х гг., исследователи, как правило, сходятся во мнении, что Советский Союз переживал серьезный системный кризис. Ю. Аксютин определил период пребывания у власти Л. И. Брежнева как застой. По его словам, это было время, когда реформы в сфере экономики уступили место разговорам о них. А. В. Сперанский утверждает, что к началу 1980-х гг. практически все основные сферы советского общества охватил кризис, сущность которого определялась низкими темпами прироста производства, понижением уровня жизни населения и дискредитацией в общественном сознании коммунистической идеологии. Истоки этой ситуации он усматривает в широкой экономической реформе 1965 г. А. В. Сперанский настаивает на том, что провал косыгинских начинаний привел к сохранению командно-административных мер управления экономикой, оставшихся в рамках экстенсивного развития, а также к деградации всей экономической системы в целом.

К. Г. Ачмиз отмечает, что в середине 1960-х гг. новое политическое руководство СССР столкнулось с ситуацией, когда народное хозяйство страны все больше стало вязнуть в многочисленных экономических проблемах. При этом экономические реформы, начавшиеся в 1965 г., не только не способствовали преодолению

кризиса, но запустили механизм разрушения социализма, так как полностью опирались на такие базовые рычаги капитализма, как прибыль, цена, премия и кредит. К. Г. Ачмиз говорит, что реформы А. Н. Косыгина предопределили последовавшее в более поздний период уничтожение в среднем советском человеке «сознательного строителя социализма».

Е. М. Скворцова исследовала брежневский период 1960–1980-х гг. в рамках изучения проблем модернизации России. Она заключила, что главным его содержанием стала перенастройка традиционной системы модернизации. По ее словам, это было время, когда коренному изменению схемы модернизации препятствовал целый ряд факторов. Во-первых, включенность в холодную войну и сохранение имперского статуса СССР вели к наращиванию военно-промышленного потенциала и углублению сложившихся диспропорций. Во-вторых, взятый в 1950-е гг. курс на повышение материального благосостояния советских граждан способствовал перекачке государственных инвестиций в сельское хозяйство и легкую промышленность, что обостряло борьбу отраслей экономики за материальные и трудовые ресурсы и превращало государственные инвестиционные программы в «финансовый мусоропровод», а экономику — в «тришкин кафтан». В-третьих, рассматриваемый период оказался объективно неблагоприятным в плане демографической ситуации, обстановки на внешнем рынке и положения с добычей энергоносителей. И, наконец, в-четвертых, в 1970-е гг. произошел перелом в сознании людей, вследствие чего иссяк один из главных двигателей советской экономики — трудовой энтузиазм. Совокупность перечисленных факторов привела к тому, что традиционная экстенсивная модель модернизации стала давать устойчивые сбои, а интенсивная модель так и не успела заработать. Е. М. Скворцова подчеркивает, что в 1970-е гг. СССР сделал первые важные конструктивные шаги — нащупал оптимальное направление интенсификации народного хозяйства посредством совершенствования хозрасчетных производственных отношений, инвестирования научно-производственных и агропромышленных комплексов, финансирования программ по развитию сельского хозяйства, легкой промышленности, сети инфраструктуры и жилищно-коммунального хозяйства. Однако затем страна попала в очередную «историческую дыру» — перестройку. По словам Е. М. Скворцовой, советским хозяйственникам (как когда-то П. А. Столыпину) не хватило 20 лет спокойной жизни, чтобы получить новую советскую Россию.

При этом А. В. Голубев, напротив, уверен в том, что в 1970–1980-е гг. в Советском Союзе происходила лишь имитация поздне-

индустриальной модернизации: в экономике не хватало ресурсов, которые все в больших масштабах направлялись в военно-промышленный комплекс; капиталовложения распылялись, стимулируя экстенсивный путь развития; наметилась тенденция снижения мобильности людей; в обществе обозначился социокультурный раскол (то есть стала углубляться пропасть между столицей, крупными и малыми городами и деревней). Исследователь особо подчеркивает тот факт, что руководство СССР просмотрело то время, когда западный мир вступал во второй этап научно-технической революции (НТР) — информационную революцию. Поэтому, столкнувшись с вызовами позднеиндустриальной эпохи, Советский Союз не сумел вписаться в ее контекст и оказался отброшенным по многим показателям индустриализма.

Безусловно, наиболее значительным событием рассматриваемого периода в экономической сфере стали реформы 1965 г. Говоря о косыгинских реформах в контексте советских политико-экономических циклов, Ю. В. Латов и Р. М. Нуреев выделяют следующие особенности. Во-первых, это были единственные (кроме горбачевской перестройки) советские хозяйственные реформы, которые предполагали либерализацию отношений не в какой-то одной отрасли, а в экономической системе в целом. Во-вторых, реформы отличала необычайно высокая предварительная проработанность. В-третьих, проводившиеся мероприятия были привязаны к личности не первого (Л. И. Брежнев), а второго лица (А. Н. Косыгина) в политической элите государства. Исследователи отмечают: несмотря на то что косыгинские реформы были подготовлены на порядок лучше прочих позднесоветских реформ, результат получился примерно тем же: ударное начало постепенно выдохлось, спустя несколько лет «правила игры» в значительной степени вернулись к дореформенному уровню.

А. Г. Вишневский в целом положительно оценивает реформы, которые позволили Советскому Союзу сделать мощный рывок и стать вполне конкурентноспособным по отношению к ведущим западным странам. Но, по его мнению, в конечном счете инструментальные цели преобразований вступили в конфликт с консервативными методами их осуществления. И именно поэтому в конце брежневского периода в советском обществе была лишь имитация позднеиндустриальной модернизации, характеризовавшаяся экстенсивными формами экономического развития, социокультурным разрывом между городом и деревней, распылением капиталовложений и крайней нехваткой материальных ресурсов.

Относительно причин косыгинских преобразований в научной литературе сложилось два подхода. В первом случае основной ак-

цент делается на объективных факторах советской экономики. Например, Л. Н. Лазарева связывает необходимость реформ со вступлением СССР в середине 1950-х гг. в эпоху научно-технической революции, которая потребовала интенсификации производства. Сторонники этой позиции (Ю. Голанд, А. Терняев, Ю. Фирсов) считают, что на рубеже 1950–1960-х гг. командно-административная система управления экономикой практически исчерпала себя, поэтому потребовалось создание новой управленческой конструкции. Другая концепция сводится к субъективным факторам. Ее представляет М. Ф. Антонов, утверждающий, что в СССР неоднократно предпринимались попытки возрождения капитализма (именно в таком качестве он рассматривает реформы А. Н. Косыгина). Помимо этого, он признает, что проводившиеся мероприятия были ответом на провалы хрущевского периода. Данную точку зрения разделяют С. Т. Брезкун (С. Кремлев) и С. Губанов.

Не менее дискуссионным является вопрос о социальных движущих силах косыгинских реформ. Официальная советская историография рассматривала их как переход от преимущественно административных, внеэкономических методов управления экономикой к экономическим. По мере отказа от классового, а затем и стадийно-формационного подхода исследователи были вынуждены направить свои изыскания по новому руслу. Одним из наиболее примечательных является грубо упрощенный подход к вопросу о социальной базе реформ советской эпохи. В числе прочих проблема классовой сущности косыгинских реформ 1965 г. была поставлена В. Ф. Исайчиковым. Согласно его концепции, в 1917 г. в России победила не пролетарская, а мелкобуржуазная революция; реформы Н. С. Хрущева представляли собой попытку пролетаризировать систему, что ему не удалось, а при Л. И. Брежневем правительство (в том числе и через реформу 1965 г.) закрепило мелкобуржуазное направление, которое вполне естественно в 1990-е гг. вернуло Россию к капитализму.

Некоторые ученые (например, Г. В. Будкевич) и публицисты (М. Ф. Антонов) уверяют, что руководители предприятий встретили косыгинские реформы на ура, потому что для них открылись возможности обогащения за счет «по-умному» организованного роста себестоимости продукции, чем и была проложена дорога к обуржуазиванию общественных отношений и омещаниванию населения.

В основной массе публикаций о реформах А. Н. Косыгина говорится о торможении и в конечном счете о провале реформ, в чем обвинялись, прежде всего, некие силы в руководстве страны. Об этом, в частности, заявляет О. А. Ульянова. При этом практически не упоминается об отношении населения к проводившимся

преобразованиям. Лишь на уровне публицистических заметок (М. Ф. Антоновым) отмечается факт использования реформы для наращивания теневого сектора в советской экономике.

При этом достаточно развернуто представлены версии о причинах провала косыгинских преобразований. Так, Г. Х. Попов полагает, что состояние советского общества и политика руководства КПСС не привели к формированию сил, поддерживающих исходную модель реформирования. Он считает, что сопротивление реформам шло по всем этажам управления партией и экономикой. Неоднородность партийно-советской бюрократии привела к волнообразному развитию процесса реформирования государственного социализма в СССР. Г. Х. Попов говорит о том, что в проведении экономических реформ А. Н. Косыгина выдвинули на первый план не случайно — это позволило Л. И. Брежневу играть роль своеобразного арбитра в спорах консерваторов и реформаторов внутри советской бюрократии.

В настоящее время ведутся споры относительно того, кто являлся инициатором этих реформ. Л. И. Абалкин утверждает, что автором преобразований был А. Н. Косыгин. Г. Климов считает, что у истоков экономических преобразований, начавшихся в 1965 г., стоял Е. Г. Либерман. В. Белкин в качестве инициатора косыгинских реформ называет Н. С. Хрущева. Наряду с этим встречаются версии о множественности «авторства». В частности, согласно концепции А. Дусенбаева, реформы осуществлялись при Л. И. Брежневе, главным инициатором их стал председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин, а проработаны они были еще при Н. С. Хрущеве. А. Невоструева считает, что в подготовке и проведении реформ особая роль принадлежала А. Н. Косыгину, выступавшему в качестве последовательного сторонника преобразований, однако непосредственными авторами проекта были Е. Г. Либерман, В. С. Немчинов и С. Г. Струмилин. В. Ситнин еще больше расширил круг тех, кто был причастен к разработке и реализации реформы. Г. Х. Попов отмечает, что реформы готовились не А. Н. Косыгиным, не второпях и не кулуарно; это был обстоятельный коллективный труд просвещенной части советской бюрократии. Важное замечание сделал Г. И. Ханин. По его мнению, одна из главных проблем реформ 1965 г. заключалась в том, что начало их разработки было связано со сторонниками радикальных рыночных преобразований (такими как Л. Вааг, И. Бирман, В. Белкин), а завершение — с убежденными противниками таких мер (среди которых были И. Малышев, А. Коробов, А. Бачурин).

Несомненный интерес представляет вопрос о хронологических рамках и этапах косыгинских преобразований. Учебные издания,

как правило, рассматривают эти реформы в пределах 8-й пятилетки, а меры следующего десятилетия предстают как независимые от мартовского и сентябрьского пленумов партии. В публикациях двух последних десятилетий приводятся следующие хронологические рамки:

— 1965–1969-е гг. или конец 1960-х гг. (В. А. Мау);

— 1965 г. — начало 1970-х гг., при этом весь экономический эффект реформ ограничивается одним 1966 г., когда лишь незначительная часть предприятий перешла на новые формы хозяйствования (Д. Е. Сорокин);

— 1965–1975-е гг. (А. Миллюков, С. Нефедов);

— 1965–1979-е гг. (Л. И. Абалкин).

Г. Х. Попов выдвинул идею волнообразного развития брежневско-косыгинского реформирования, начавшегося в марте 1965 г., как смены периодов усиления и ослабления реформаторства. По его мнению, поворотным моментом здесь стал 1976 г., что было связано с состоянием здоровья и с дееспособностью Л. И. Брежнева. Г. И. Ханин, И. И. Семенова, а вслед за ними и И. А. Гриднева сформулировали тезис о том, что, в общем, всю эпоху 1960–1990-х гг. можно охарактеризовать как непрерывную цепочку реформ (1965–1979–1991 гг.).

Ю. В. Латов в свертывании косыгинских реформ усматривает яркий пример «ресурсного проклятия»: в странах с высоким уровнем отчуждения элиты от граждан наличие полезных ископаемых, легкорезализуемых на мировом рынке, становится не стимулом, а тормозом развития. По утверждению исследователя, рост настороженности брежневского руководства к рыночным инновациям практически совпал с нефтяным шоком. Резкий рост мировых цен на нефть и газ в сочетании с началом активной разработки месторождений Западной Сибири позволил советскому правительству получать от продажи энергоресурсов очень высокие доходы. Именно за счет природной ренты удалось решать продовольственные проблемы: импорт зерна стал важным элементом продуктообеспечения, поскольку деревня, из которой в 1930–1950-е гг. активно выкачивали ресурсы, деградировала и превратилась в «черную дыру», поглощавшую дотации и льготы без существенного результата.

Вопрос о направлениях преобразований 1965–1982 гг. не вызывает сколько-нибудь значимых дискуссий. С. Е. Мишенин полагает, что это обусловлено тем, что в настоящее время идет процесс накопления критической массы материала. При этом в ряде работ (например, Ю. М. Голанда и А. Д. Некипелова) указывается на явное противоречие в мерах и в самой реализации косыгинских

преобразований. Хотя общепризнано, что реформы 1965 г. носили рыночную направленность; по мнению Г. И. Ханина, на практике меры, реализуемые в результате реформ, не имели ничего общего с рыночной экономикой. По сравнению с преобразованиями в некоторых странах Центральной и Восточной Европы они выглядели «куцыми». В то же время хозяйственники получили еще большую, чем раньше, возможность нарушать плановые решения.

В научном отношении наиболее спорной является проблема результатов реформ. В настоящее время имеются большие разногласия в оценке количественных результатов и относительные консенсус в оценке качественных результатов проведенных преобразований. В целом доминирует точка зрения, что реформы дали (пусть и временно) положительный эффект, обеспечили временный рывок. В то же время есть мнение, что положительный эффект от 8-й пятилетки был весьма сомнительным, на это, в частности, указывает В. А. Мау, а Г. И. Ханин вообще назвал успехи реформы статистической иллюзией. Что касается качественных оценок, то уже в 1980-е гг. был сделан вывод о том, что расширение самостоятельности предприятий и повышение экономической ответственности за хозяйственные результаты производства привели к улучшению их работы, но в то же время создали опасность побочного эффекта — достижения высоких качественных хозяйственных результатов путем различных нарушений (завышения цен, вымывания малорентабельной продукции из производственных программ и пр.). Эта двойственная оценка продолжает присутствовать и в постсоветских дискуссиях.

Отдельные авторы заявляют о новаторском характере реформ А. Н. Косыгина. По утверждению С. С. Губанова, реформа 1965 г. означала возврат к пройденным ранее хозяйственным условиям и отношениям 1923–1929 гг. с тем отличием, что вместо синдикатов и трестов субъектом хозяйственного расчета стало обособленное отраслевое предприятие. По заявлению автора, в годы НЭПа руководство вовремя осознало пагубность такого пути и направило страну по совершенно новому пути; а косыгинская реформа предопределила крах всей советской плановой экономики. М. Антонов высказал мысль о том, что продолжение реформ привело бы тому, что СССР неминуемо развалился бы на несколько лет раньше. По его словам, отказавшись от реформ, Л. И. Брежнев фактически затормозил процесс экономического краха и продлил жизнь государству.

Исследователи ищут ответ на вопрос о причинах такого двойственного результата. В. А. Мау говорит о том, что советская хозяйственная система обладала огромным мобилизационным потенциалом, но оказалась неэффективной в условиях мирного

времени. Главной проблемой стало отсутствие внутренних экономических стимулов к росту производства и эффективности. Он подчеркивает, что основной задачей было не повышение производительности труда, а выполнение и перевыполнение плановых заданий, что, собственно, и сдерживало развитие советской экономики. Д. Е. Сорокин акцентирует внимание на том, что последовательное воплощение в жизнь реформ А. Н. Косыгина затрагивало базовую основу общества — отношения государственной собственности к средствам производства, что, в свою очередь, неизбежно вело к трансформации всей системы социально-политических отношений. В то время высшее руководство не могло пойти по этому пути. Эту теорию развивает С. Нефедов, который убежден в том, что косыгинские реформы переросли рамки формации (социалистической фазы коммунистической формации), для настоящего успеха реформам требовалась трансформация всей советской системы в иное состояние.

Более радикальный взгляд на природу экономических начинаний 1965 г. принадлежит О. А. Ульяновой. Она считает, что советская экономическая система была принципиально нерепформируемой, следовательно, сама реформа была неприемлема для советской модели развития. Еще дальше пошел Г. Х. Попов. Он заявил, что всякая социалистическая идея пронизана волюнтаризмом и преодолеть его не удалось даже К. Марксу и Ф. Энгельсу. А. Н. Косыгин представлял «просвещенный волюнтаризм», но шансов на успех у него не было, так как по разным причинам различные социальные группы опасались или не хотели идти навстречу рынку.

Помимо этого, в научной литературе нашли отображение вопросы появления и развития принципиально новых элементов советской экономической действительности. По мнению Т. В. Карпенковой, эпоха Л. И. Брежнева стала временем возникновения таких феноменов, как теневая экономика и первые мафиозные образования. О. Е. Чиняков полагает, что эти два элемента были напрямую взаимосвязаны: появление и быстрый рост теневой экономики завершился формированием организованной преступности, черного рынка и его инфраструктуры.

В настоящее время нет общепринятого определения ни теневой экономики, ни конкретных форм ее проявления. В понимании Г. В. Карпенковой теневая экономика включала разные виды официально запрещенной или строго ограниченной индивидуальной трудовой деятельности.

А. А. Бессолицын выделяет в теневой экономике (а точнее, в теневом секторе экономики) ненаблюдаемый и скрытый сег-

менты. Согласно его точке зрения, первый реализуется вне сферы правового регулирования и включает, как правило, производство товаров и услуг внутри домашнего хозяйства, а также другие виды предпринимательской деятельности, не учитываемые ВВП, то есть так называемую повседневную теневую экономику. Второй сегмент включает любую деятельность, сознательно укрываемую субъектами от государства с целью минимизации издержек (в том числе и криминальную деятельность). А. А. Бесолицын пишет, что в рассматриваемый период скрытый сегмент экономики в основном был представлен подпольными цехами. По мнению Ю. Н. Попова, самыми распространенными видами теневой деятельности в рассматриваемый период были бартерные обмены материальными ресурсами, продажа ресурсов (таких как строительные и горючесмазочные материалы, продовольственные товары и пр.) «на сторону», взятки за принятие нужных управленческих решений и прочее.

В отечественной историографии утвердилось мнение о том, что предпринимательская деятельность советских граждан развивалась только в период НЭПа и перестройки. Однако Е. А. Андрюхин заявляет, что в 1960–1980-х гг. предпринимательство в СССР было. Более того, оно существовало в двух формах: официальной и неофициальной. Он поясняет, что официальной предпринимательской деятельностью занимались представители кустарных профессий (портные, часовые мастера, слесари, плотники, электромонтеры, маляры, печники, переплетчики, парикмахеры, фотографы, перевозчики и пр.), а неофициальной — все те, кто в нарушение советского уголовного законодательства получал доход от теневых экономических структур. При этом в качестве основной причины развития предпринимательской активности в советском обществе брежневского периода Е. А. Андрюхин называет дефицит (товарный, услуг и пр.). Данную точку зрения разделяет Я. В. Харсева. Она отмечает, что дефицитные товары и услуги производились и распределялись преимущественно в теневом секторе экономики. При этом автор подчеркивает, что, несмотря на большую популярность услуг «теневиков», население относилось к ним негативно, называя их «спекулянтами» и «барыгами», даже если они реализовывали результаты собственного труда.

Некоторые исследователи пришли к выводу, что к 1970-м гг. в сознании советских людей прочно закрепился парадокс сознания «общее — значит ничье», который привел к процветанию безответственности, бесхозяйственности, безынициативности, низкому качеству труда и другим формам злоупотреблений. В частности, А. В. Костина полагает, что в эпоху Л. И. Брежнева произошел

поворот от тоталитарного общества к потребительскому, от идеологической советской массовой культуры к потребительской массовой культуре западного образца. Поэтому в 1970–1980-е гг. хищение общественной собственности стало массовым, обыденным явлением.

В последние годы в научной литературе разрабатывается проблема влияния экономики на социальную политику Советского государства. Я. В. Романов проанализировал социальную политику и социальные изменения в СССР на протяжении всего периода его существования. Применительно к брежневскому периоду он выделил следующие особенности. В середине 1950 — середине 1970-х гг. в Советском Союзе была создана одна из наиболее продвинутых в мире систем социальной поддержки в отношении равенства доступа, объема и качества услуг. В 1960-е гг., когда социальная политика стала приоритетом для правительства, были достигнуты значительные высоты в области образования, жилищного строительства, медицинского и социального обеспечения. Но с конца 1970-х гг., по словам П. В. Романова, СССР вступил в новую, более жесткую фазу холодной войны, в период ухудшения мировой конъюнктуры цен на энергоносители, поэтому с этого времени, задолго до перестройки, стали проявляться негативные тенденции в качестве жизни советских граждан и в сфере демографии.

Политическая история СССР второй половины 1960 — начала 1980-х гг. представлена в работах, посвященных вопросам разработки и принятия конституции развитого социализма. А. Н. Медушевский в качестве главной особенности процесса подготовки Конституции 1977 г. выделил его длительность, нетипичную для номинального советского конституционализма. Если все предшествующие Конституции (1918, 1924 и 1936 гг.) принимались вскоре после создания специальных комиссий, то последняя советская Конституция разрабатывалась в течение 15 лет (с 1962 по 1977 гг.). В. В. Мамонов называет принятие Основного закона одним из важнейших событий периода пребывания у власти Л. И. Брежнева. Автор обращает внимание на то, что Конституцию СССР 1977 г. часто называют брежневской, что не вполне соответствует действительности, так как решение о создании конституционной комиссии было принято еще в 1962 г. Несмотря на наличие целого ряда прогрессивных норм, В. В. Мамонов заявляет, что Конституция не оправдала своего предназначения: она не смогла обеспечить устойчивое развитие общества, модернизировать государство и гарантировать на более высоком уровне права и свободы граждан. Также проблемы советского кон-

ституционного строительства в брежневский период поднимались в исследованиях С. А. Байбакова, А. Л. Земцова и др.

Серьезной научной разработке подверглись проблемы трансформации идеологической системы. С. И. Никонова называет идеологию «становым хребтом» советского общества. Контроль за идеологическим сектором был чрезвычайно строгим, любое отклонение от идеологической линии партии и правительства строго пресекалось. Однако проводившаяся политика не искоренила проблему, а загоняла ее внутрь (что нашло выражение в появлении диссидентства, самиздата, андеграунда и пр.). С. И. Никонова исходит из того, что в последние десятилетия советской власти общество не было идеологически единым. В 1970–1980-х гг. идеологическая ситуация в стране только внешне выглядела спокойно, в действительности же процесс саморазрушения советской идеологии был неотвратим: в ней появились «провалы», через которые социалистическое общество проникали иные идеи, нравственные ценности, потребности и стремления. В свою очередь, официальная идеология могла противопоставить им только идеологические клише и ужесточение контроля во всех сферах жизни. Разрушение идеологического единства привело к разложению высших эшелонов власти и появлению диссидентства². С. И. Никонова обращает внимание на то, что власти жестко пресекали инакомыслие, применяя для этого такие меры, как аресты, лишение свободы, направление на принудительное лечение в психиатрические клиники, дискредитация в средствах массовой информации, лишение советского гражданства и выдворение за пределы СССР, что, однако не помогло остановить разрушение всей идеологической конструкции (главным образом потому, что противопоставить новым общественным идеям и настроениям было нечего).

Интересную точку зрения высказал С. А. Бурцев. Он говорит, что в 1970-е гг. к широким слоям советского общества приходит осознание советской религии, что, в свою очередь, привело к трансформации системы ценностей на всех уровнях общественного бытия. Этот период стал переломным, так как именно тогда сложились предпосылки крушения Советского государства. В качестве главной предпосылки процесса разрушения СССР А. С. Бурцев называет трансформацию советской системы ценностей, которая не уже соответствовала действительности.

Диссидентское движение — это сложное общественно-политическое явление, отношение к которому было неоднозначным даже у современников. В 1970-х гг. официальные представители Советского государства к диссидентам относили «отдельных отщепенцев, оторвавшихся от социалистического общества, которые активно

выступают против социалистического строя, становятся на путь антисоветской деятельности, нарушают законы и, не имея опоры внутри страны, обращаются за поддержкой за границу». Достаточно жесткую оценку деятельности диссидентов дал Л. И. Брежнев, который заявил: «Наш народ требует, чтобы с такими, с позволения сказать, деятелями обращались как с противниками социализма, людьми, идущими против собственной Родины, пособниками, а то и агентами империализма. Естественно, мы принимаем и будем принимать в отношении их меры, предусмотренные законом». Ю. В. Андропов, будучи председателем КГБ СССР, отмечал, что диссиденты объединяют в своих рядах людей, «побуждаемых политическими или идейными заблуждениями, религиозным фанатизмом, национальными вывихами, личными обидами и неудачами... наконец, в ряде случаев психической неустойчивостью». Принципиально иную позицию отстаивали сами диссиденты. В частности, А. Синявский определял диссидентство как интеллектуальное, духовное и нравственное сопротивление унификации мысли и ее омертвлению.

В научных кругах на протяжении советского периода диссидентство рассматривалось как внутренне малодифференцированное общественно-политическое движение, сплоченное едиными антитоталитарными и антикоммунистическими целями. Начиная с 1990-х гг. по мере освобождения от идеологических установок стали появляться и другие точки зрения на эту исследовательскую проблему. Например, Г. М. Барашков полагает, что в период 1960–1970-х гг. диссидентское движение в СССР не было однородным образованием и включало в себя течения разной идеологической направленности. Диссидентские организации применяли одинаковые формы борьбы, сводившиеся к требованиям соблюдения прав человека, приближения советского законодательства к международным юридическим стандартам, смены социалистической демократии демократией западного типа. Он убежден, что диссидентство следует рассматривать как реакцию на диктат властей в общественно-политической жизни, как форму протеста против сложившейся действительности.

А. Н. Чеботарев исследовал движение русской националистической оппозиции в СССР. Он отметил, что в 1960–1970-х гг. в советском обществе наблюдался заметный рост русского национального самосознания. Среди причин этого явления А. Н. Чеботарев назвал то обстоятельство, что уровень жизни русского народа по многим показателям оказался ниже, чем у большинства других народов СССР. Он заявлял, что экономическая политика власти по отношению к каждому народу в составе Советского Со-

юза обуславливалась государственными, а не национальными интересами, и в этом смысле русский народ, в отличие от других этносов, лишенный сепаратистских настроений, оказался наименее защищенным; крупнейший этнос страны — русские — не получили своей республики. По мнению исследователя, в результате такой политики именно русская нация, ее этнические контуры оказались серьезно размыты. В целом А. Н. Чеботарев считает рост национализма ответной реакцией русского общества на политику искусственного выравнивания уровня развития различных регионов СССР. Радикализм и непримиримость русской националистической оппозиции не могли остаться незамеченными со стороны правоохранительных органов, а масштабные и адресные репрессии не позволили этому движению стать массовым, хотя патриотическая идеология потенциально могла найти поддержку в широких слоях советских граждан.

По словам В. А. Козлова, с приходом к власти Л. И. Брежнева в диссидентском движении произошли серьезные изменения: традиционная подпольная антисоветская деятельность с социалистической фразеологией отошла на второй план, на первый вышла вполне легальная оппозиционная активность, которая имела более широкую аудиторию влияния. Он особо подчеркивает, что в отличие от подпольных организаций 1950 — начала 1960-х гг., критиковавших существовавший режим с позиций марксизма и социализма, участники некоторых групп новой оппозиции даже пытались пропагандировать идеи реставрации капитализма в стране. В крупных городах среди вузовской молодежи распространились нигилизм, фрондерство и аполитичность, равнодушие и безразличное отношение к социальным и политическим проблемам, к революционному прошлому советского народа, «критиканство под флагом борьбы с культом личности». По мнению Козлова, с середины 1960-х гг. в СССР началась эпоха кризиса советского коммунизма, сопровождавшаяся открытыми выступлениями и протестами, организованными демонстрациями и пр. В изменившихся условиях власти были вынуждены скорректировать тактику борьбы с диссидентами. Например, в случаях, когда некоторые «явно враждебные режиму» действия нельзя было подвести под статьи об антисоветской агитации и пропаганде, их расценивали как преступления против порядка и управления.

Схожую точку зрения высказал М. В. Стрелец, изучавший одно из течений диссидентства — правозащитное движение. Он утверждает, что становление, плодотворное развитие и международное признание советского правозащитного движения пришлось на брежневский период. Реальный размах деятельности право-

защитников побудил власти начать поиск наиболее изощренных форм противодействия. Наиболее популярными среди них были клевета, приписывание правозащитникам преступлений, которые они принципиально осуждали и т. д.

В 1960–1980-е гг. изменилось отношение власти к наиболее мыслящей части общества — студенчеству. Г. В. Логвинович говорит, что в определенной среде студенческой молодежи в этот период нарастает тенденция сопротивления властям и несогласие со сложившимся жизненным порядком. Официальные власти представляли ситуацию таким образом, что советская молодежь, занимаясь активным построением коммунизма, постоянно сталкивается с противодействием агентов вражеской разведки, буржуазных религиозных, сионистских и других антисоветских организаций, получала неверную информацию о демократическом строе из передач зарубежных радиостанций. Следствием «идеологически вредного влияния» на молодежь стало участие в неформальных студенческих объединениях, распространение антисоветских материалов.

Ю. Аксютин выделил наиболее значимые изменения, произошедшие в общественных настроениях в период пребывания у власти Л. И. Брежнева. Он говорит о том, что усиление преследования инакомыслящих раскололо это движение: одних заставило выступить против своих недавних единомышленников, других — сохранять молчание. Многие советские люди стали критически относиться к получаемой ими официальной информации. В целом, по мнению Ю. Аксютин, в своем отношении к власти общество перестало быть монолитным и произошло это практически одновременно, сразу же после XX Съезда КПСС. Последующему постепенному росту критической массы способствовали как объективные обстоятельства (рост образованности, информационных возможностей), так и субъективные (прежде всего, разочарование внешне- и внутривосточным курсом).

И, конечно, говоря о Советском Союзе второй половины 1960 — начала 1980-х гг., нельзя обойти стороной проблемы его внешнеполитического курса. В настоящее время научная разработка данной темы ведется в нескольких направлениях. Исследователей в равной степени интересуют как общие вопросы выработки и реализации советской внешнеполитической доктрины, так и отдельные аспекты взаимодействия на межгосударственном уровне.

Б. А. Ершов рассматривает особенности внешнеполитического курса СССР в период пребывания у власти Л. И. Брежнева. Согласно его концепции, в 1970–1980 гг. в советской дипломатии произошел отказ от политики конфронтации, что, в свою очередь,

способствовало выработке новых принципов взаимодействия между государствами на международной арене. Провозглашенная Советским Союзом политика «разрядки» способствовала в первую очередь развитию сотрудничества со странами Западной Европы и США. В доказательство своей точки зрения Б. А. Ершов приводит следующие аргументы: во-первых, в первой половине 1970-х гг. товарооборот между странами СЭВ и западноевропейскими государствами вырос в шесть раз; во-вторых, существенно снизились ограничения, введенные Соединенными Штатами Америки на торговлю с СССР. В целом исследователь заключает, что в результате активизации сотрудничества между недавними идеологическими противниками возникли надежды на создание нового миропорядка с более положительными перспективами на будущее. Однако процессы «разрядки» оказались недолгими. И, по мнению Б. А. Ершова, самый сокрушительный удар по курсу, направленному против продолжения холодной войны, нанёс уход Р. Никсона с поста президента США. И, как следствие этого, начался новый виток гонки вооружений.

С. М. Самуйлов также отметил, что период политики «разрядки» в советско-американских отношениях продлился недолго и увенчался временным успехом. Потепление отношений между СССР и США началось приблизительно с мая 1972 г. (с момента первого официального визита в Советский Союз Р. Никсона) и до конца 1979 г. (до ввода советских войск в Афганистан). Он обращает внимание на то, что в конце 1970-х гг. позитивные настроения американской общественности в отношении СССР, бытовавшие в начале десятилетия, вновь сменились откровенной враждебностью, ставшей традиционной для времен холодной войны. Причиной этому, по утверждению С. М. Самуйлова, послужили неоднократные ошибки, допускавшиеся дипломатами и с советской, и с американской стороны.

Р. С. Мухаметов считает, что важным элементом внешнеполитической концепции СССР в рассматриваемый период стала так называемая доктрина Брежнева. По сути, она провозглашала право советского правительства вмешиваться во внутренние дела стран Организации Варшавского договора для того, чтобы предотвратить их выход из социалистического лагеря. Более детальную проработку политика СССР в отношении стран социалистического содружества нашла в работах С. Вреск (занимается проблемами советско-югославских отношений), А. С. Стыкалина (изучает отношение к Пражской весне венгерского руководства) и других специалистов. Краеугольным камнем истории социалистического содружества в брежневский период стали события в Чехослова-

кии в 1968 г. Исследователи сходятся во мнении, что тогда ввод войск стран — участниц ОВД на территорию этого государства фактически расколол соцлагерь. С. Вреск указывает на то, что всю вину за Чехословацкий кризис руководство Югославии целиком и полностью возложило на Советский Союз. В частности, И. Б. Тито выступил против советских гегемонических устремлений, которые возникли в международном коммунистическом и рабочем движении. В то же время прозвучали заявления о готовности продолжить сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами, так как не в интересах Югославии было портить с ними отношения. С. Вреск подчеркивает, что в результате последовавшей после этого взаимной советско-югославской критики на высшем уровне произошло заметное ухудшение их двусторонних отношений. А. С. Стыкалин. полагает, что в Чехословацком кризисе 1968 г. Венгрия попыталась взять на себя посреднические функции между пражскими реформаторами и Москвой. Но эта миссия оказалась провальной. Автор убежден, что в результате подавления Пражской весны особенно большой урон был нанесен левым силам в Европе, так как СССР окончательно утратил поддержку наиболее влиятельных западных компартий. Более того, события августа 1968 г. значительно ускорили процессы, которые, в конце концов, привели к полному отказу восточноевропейских государств от социалистической идеи.

Подводя итоги, отметим, что в настоящее время разрабатываются только отдельные аспекты внутренней и внешней политики Л. И. Брежнева³. В научной среде активными темпами идет процесс накопления исторического материала. Тем не менее, проведенные изыскания, вне всякого сомнения, заложили прочную основу для последующих фундаментальных исследований, и в перспективе — для создания обобщающих научных трудов по всему периоду в целом.

